

А.М. Курьшов

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА (на примере малых народов Иркутской губернии на рубеже XIX–XX столетий)

Влияние демографических процессов на экономику очевидно; проблемы, связанные с этим процессом, неоднократно освещались исследователями. Но очевидно также и обратное влияние — влияние хозяйственных трансформаций на состав и численность населения. Мало того, в ряде случаев можно утверждать, что хозяйственная система является, по крайней мере, *этносохраняющим* фактором, если не *этноопределяющим*¹. Такая постановка проблемы особенно актуальна для малочисленных народов, чья этническая специфика стремительно растворяется в окружающей социальной среде; этот процесс сопровождается (является следствием?) поглощения традиционного хозяйства глобальной экономикой.

Поскольку мы используем термины *этносохраняющий* и *этноопределяющий*, вначале — несколько слов об *этнoсе*. Само употребление термина этнос в исторической литературе обратно пропорционально количеству публикаций, посвященных проблемам этнических процессов². Причина такой «нелюбви» к этому термину состоит в том, что наука до сих пор не пришла к единому мнению о признаках *этнoса*. Ими назывались и язык, и некие «биологические» признаки, и конфессия, и «самосознание» (т.е., фактически, произвольное причисление самого себя к какой-либо этнической общности), но ни один из них, ни их совокупность не определяют *этнoс*. Более того, по некоторым опросам основная масса людей связывает *этничность* с Богом, природой, предками, т.е. воспринимает принадлежность к определенному этносу как *данность*, данность сакральную или историческую. Выделение этноса носит интуитивный характер — все знают, *что* это такое, но никто не может объяснить, *почему*; «мы знаем об этносе как определенной целостности, единстве признаков из опыта, но

именно в опыте, к которому посредством “примеров” постоянно апеллируем, не находим оснований нашему знанию об этносе»³. Из этого логического противоречия, отнюдь не схоластического, следует лишь один вывод: задача науки не в том, чтобы определять признаки этноса, впоследствии искусственно объединяя их в «систему» (само собой, существующую лишь на бумаге), а в поиске связей между априорным *этносом* и реальностью. Следует искать не то, что разделяет человечество на этнические группы, а то, что людей объединяет в них. Если исходить из того, что важнейшими факторами формирования «этнической» единицы на ранних стадиях развития были географические условия и связанный с ними производственно-технический уровень (мнение, окончательно утвердившееся в отечественной этнографической и археологической среде еще в 1950–60-е гг.⁴), то можно объяснить, как у человека формируется априорное представление о соотношении себя с тем или иным *этносом*. Кстати, показательно, что древние авторы при определении этнической принадлежности той или иной малоизвестной им общности руководствовались признаком, который мы бы сейчас определили как «образ жизни»⁵.

Данная небольшая работа является опытом исследования этносохраняющей функции традиционного хозяйства применительно к коренному населению Прибайкалья — эвенкам (тунгусам) и тофам (тофаларам, карагасам). Эти два этноса, с одной стороны, объединяет малочисленность и тот самый «образ жизни» (и те и другие — охотники и оленеводы), с другой стороны — эвенки и тофы демонстрируют различную динамику демографических процессов. Наша задача — показать зависимость этой динамики от направлений хозяйственного развития. Хронологические рамки работы: конец XIX–начало XX вв. — время масштабных трансформационных процессов, имеющих отношение к традиционному хозяйству; большое значение имеет и наличие определенных статистических данных относительно численности и занятий коренного населения, явившихся результатом активизировавшейся на рубеже веков исследовательской работы. Относительная изолированность хозяйственной деятельности коренного населения Восточной Сибири от общероссийской экономики того времени, позволила исследователям непосредственно наблюдать результаты трансформации традиционного хозяйства. Кстати, уже тогда

идею зависимости этничности от хозяйственной деятельности применительно к коренным сибирским народам высказал известный сибирский ученый Н.Н. Козьмин⁶.

Тофы в конце XIX–начале XX вв. проживали компактно на юго-западе Иркутской губернии, на территории Нижнеудинского округа. Они не имели собственных национальных административных единиц (инородческих ведомств), обычных для других коренных народов губернии. Поэтому демографические данные по тофам крайне скудны, противоречивы (отсутствуют официальные четкие статистические данные); те, что есть, являются продуктами немногочисленных исследований, которые не ставили своей целью изучение только демографических характеристик, не имели соответствующих методик. Очень малая численность тофов (чуть более 400 чел.), на первый взгляд, не позволяет делать каких-либо выводов на основании тенденций движения населения или его состава, но только если опираться на чисто количественные методики, основанные на анализе средних показателей, пропорций и т.д. Использование же частно-исторических методов в контексте комплексного подхода к проблеме позволяет уловить некоторые закономерности развития демографических процессов у тофов. С другой стороны, компактность проживания тофов, их относительная изолированность от внешнего мира делают возможным проследить процессы влияния трансформаций хозяйства на состав и численность населения, так сказать, в «чистом виде», при минимальном влиянии других факторов.

Эвенки на рубеже XIX–XX столетий рассеянно проживали на территориях четырех округов губернии (Киренского, Верхоленского, Иркутского и Балаганского). Лишь часть их (правда, большая) была объединена в шесть инородческих (тунгусских) ведомств: Нижнеилимское, Киренско-Хандинское, Курейское и Кондогирское — в Киренском округе, Очеульское и Тутурское — в Верхоленском округе. Эвенки проживали также на территориях бурятских инородческих ведомств. В силу этого, до наших дней дошли некоторые официальные цифры, относящиеся к составу и численности тунгусского населения. Однако, материалы тунгусских управ далеко не полны. Так, документы Киренско-Хандинской управы датируются до 1869 г., Очеульской управы — до 1878 г., Нижнеилимской управы — до начала 1880-х гг. Фонды

Кондогирского, Курейского, Тутурского ведомств, по-видимому, не сохранились. Все это, при рассмотрении вопросов, связанных с развитием демографических процессов у эвенков, повышает роль других источников.

Традиционной формой хозяйствования тофов была охота на копытных (лось, олень, изюбрь), в целях обеспечения которой они вели кочевой образ жизни. Перекочевки в условиях высокогорной тайги производились на оленях, в силу чего оленеводство также играло важную роль для тофов. У эвенков, помимо охоты, большую роль играли собирательство и рыболовство, то есть их хозяйство имело комплексный характер. Огромную роль в эвенкийском, как и в тофаларском, хозяйстве играли олени, выполняющие транспортную функцию.

Трансформация традиционного хозяйства эвенков в рассматриваемый период выразилась в распространении у них земледелия и скотоводства, а также в переходе от потребительской охоты к охоте товарной как основному занятию. У тофов традиционное хозяйство также подверглось определенным изменениям — олень из средства транспорта превратился в источник пищи, охота также стала приобретать черты товарности, распространенными стали подсобные промыслы (заготовка сена и дров для золотых приисков, огородничество и т.д.)⁷.

Параллельно с процессами трансформации традиционного хозяйства изменяется численность населения таежных аборигенов Прибайкалья.

Тофы. Численность тофов в абсолютных цифрах в рассматриваемый период изменялась мало. Б.Э. Петри утверждал, что население Тофаларии стабилизировалось в пределах 400–500 чел. задолго до прихода русских⁸. Это, по всей вероятности, следует отнести на счет ограниченности животных ресурсов относительно изолированного региона, в котором проживали тофы. При ближайшем рассмотрении динамика численности тофов выглядит более чем интересной.

В 1882 г. насчитывалось 456 тофов⁹. Уже через два года, в 1884 г., по данным Нижнеудинского полицейского управления в крае было лишь 407 тофов¹⁰. Чем объяснить такое падение численности? Убыль населения за два года составила 10,7%, в среднем, соответственно, — 5,35% в год. Но процентное отношение

ни о чем не говорит. При малой численности населения одномоментная смерть нескольких человек или, напротив, рождение нескольких детей в течение короткого промежутка времени, способно поставить в тупик любого статистика. Всего вероятнее, резкое падение численности тофов стало следствием неграмотного учета населения, находящегося в постоянном движении. Уже в 1887 г. исследователи зафиксировали 426 тофов, а еще через год — в 1888 г. — 431¹¹. И все же значительные колебания численности налицо. Так, известно, что в 1887 г. за короткий период от оспы умерло 15 тофов (вовремя не сделали прививки)¹².

В 1897 г. прошла Первая Всероссийская перепись населения. По уточненным С.К. Паткановым ее данным в Иркутской губернии проживало лишь 386 карагасов (тофов)¹³. В сравнении с 1888 г. убыль составила 10,4% (в среднем — 1,2% в год). Если сравнивать крайние данные (1882 и 1897 гг. — промежуток времени в 15 лет), то численность тофаларского населения сократилась на 15,3% (в среднем — на 1,02% в год). При сохранении этих темпов еще через 15 лет мы должны были бы зафиксировать в Тофаларии порядка 325 чел. Однако в 1914 г. исследователи насчитали 447 тофов¹⁴. Налицо формальный среднегодовой прирост на 0,9%. Но эта же цифра (447 чел.) значит за 1917 г. в данных переписи населения 1920 г.¹⁵ Получается, что за три года численность тофов никак не изменилась (скорее всего, данные 1914 г. — данные Б.Э. Петри — были просто перенесены на 1917 г.). Пережив несколько «демографических ям» тофы почти достигли уровня 1882 г. (456 чел.). За 35 лет наблюдений численность тофов изменилась лишь на девять человек (–2%).

Таким образом, опираясь только на показатели численности населения тофов нельзя выявить ровно никаких тенденций. Однако, привлекая дополнительные сведения, можно утверждать, что демографическая динамика тофов на рубеже XIX–XX столетий имеет все же отрицательную динамику.

Во-первых, численность тофов медленно, но все же снижается в последующие годы (в 1925 г. — 416 чел.¹⁶, в 1929 — 425 чел.¹⁷). В советское время принято было считать (из идеологических соображений), что численность малых народов Сибири или не изменяется, или медленно растет. Так, перепись 1959 г. зафиксировала около 600 носителей тофаларского языка

ка¹⁸, а перепись 1979 г. зарегистрировала 760 тофов¹⁹. Однако к тофам причислялись и потомки смешанных браков, и даже потомки этих потомков. Фактически же на сегодняшний день лишь около полусотни человек являются чистокровными тофами²⁰.

Во-вторых, перманентно снижается количество мужчин-тофов. Нам известны данные по численности мужского населения Тофаларии на 1857–1858 гг. (X ревизия) — 284 чел.²¹. В 1888 г. зарегистрирован лишь 221 мужчина²², в 1917 г. — 216 лиц мужского пола²³. За первые 30 лет после X ревизии мужское население сократилось более чем на 22%. Далее, если в 1888 г. мужчины составляли 51,3% от всего тофаларского населения, то в 1917 г. — уже 48,3%. Мужчины — это не только носители генетической информации, по которой можно определить происхождение человека (как утверждают современные ученые), это еще и работники, добытчики, хозяева.

И здесь мы наблюдаем интересную картину, — снижению численности мужского населения (в том числе — мужчин трудоспособного возраста) сопутствуют увеличение доли детей и подростков (45,7% от всего населения в 1888 г., 50,3% — в 1914 г.²⁴), увеличение доли стариков (5,3% в 1888 г., 7,2% в 1914 г.²⁵) и *увеличение количества хозяйств* (с 83 в 1888 г. до 98 в 1917 г.²⁶). Таким образом, тофаларские хозяйства мельчают, если в 1888 г. на хозяйство приходилось в среднем 5,2 чел., то в 1917 г. — 4,6. Вероятно, лишь в небольшом числе хозяйств в начале XX в. было больше одного работника (даже в 1888 г. этот показатель составлял в среднем 1,2²⁷). Должно было вырасти и число хозяйств, не имеющих работников (в 1888 г. таковых было шесть²⁸ (т.е. 7,2%)). С экономической точки зрения все это может говорить о том, что семейное хозяйство тофов стало более *устойчивым* (не требуется большого числа работников, чтобы прокормить семью).

Итак, на рубеже XIX–XX столетий численность населения тофов демонстрирует относительную стабильность. Вместе с тем заметны и процессы, наметившие отрицательную демографическую динамику тофов, которые по времени синхронны с тенденцией дробления тофаларских хозяйств.

Эвенки. В отличие от тофов, эвенки в рассматриваемый период на территории Иркутской губернии являлись вымирающим народом, и это отмечается практически всеми исследователями.

С 1824 по 1897 гг. численность эвенков сократилась на 47,7% (с 3854 до 2017 чел.²⁹), убыль населения составила в среднем 0,7% в год. Данные переписи населения 1897 г. для сибирских народов были уточнены С.К. Паткановым, и, согласно ему, на территории Иркутской губернии в 1897 г. проживал 2191 тунгус³⁰, однако это не отменяет общей тенденции, данные по отдельным эвенкийским инородческим ведомствам лишь подтверждают ее.

Инородческое население Нижнеилимского ведомства с 1830 по 1883 гг., т.е. за 53 года, сократилось с 374 до 276 чел., то есть на 26,2%. Среднегодовая убыль населения — 0,5%³¹. В 1897 г. С.К. Патканов в ведомстве зафиксировал лишь 258 чел.³². Таким образом к 1897 г. убыль составила 31%. А к середине 1920-х гг. на Илеме было лишь 16 эвенков³³. В Киренско-Хандинском ведомстве в 1824 г. проживало 1016 эвенков, перепись 1897 г. зафиксировала лишь 334 чел.³⁴ Убыль — 67%. Численность курейских тунгусов снизилась с 846 (1824 г.) до 303 (1897 г.) человек. Убыль составила 64,2%. Та же картина наблюдается у соседних кондогирцев: убыль с 650 до 293 чел. (55%)³⁵. Интересно, что еще за 17 лет до переписи, в 1880 г., в Курейском ведомстве числилось 506 чел., а в Кондогирском — 279 (т.е. даже меньше, чем в 1897 г.). Такая динамика связана, вероятно, с постоянными перекочевками эвенков, причислявшихся к тому или иному ведомству по принципу фактического проживания, а не происхождения (поскольку *род* у эвенков — это *эндогамная* группа, фактически — территориальная община). С этим фактором следует связывать и последующие процессы: в начале 1920-х гг. т.н. «приполярная» перепись фиксирует уже 405 курейцев и 313 кондогирцев, а к концу 1920-х гг. курейцев уже 651 чел., а кондогирских тунгусов — 629³⁶. Столь резкое возрастание численности катангских тунгусов нужно отнести за счет миграций из районов Прибайкалья и Якутии в годы Гражданской войны. В целом эвенкийское население Киренского округа с 1824 по 1897 гг. сократилось на 57%.

В Очеульском ведомстве Верхоленского уезда с 1830 по 1845 гг., т.е. за 15 лет, население выросло на 42 чел. (с 636 до 678), что составило 6,6%, но уже в следующие 23 года численность тунгусов снизилась на 140 чел. (до 538), т.е. на 20,7%³⁷. Если в первом временном промежутке фиксируется среднегодовой рост на 0,4%, то во втором — спад на 0,9% ежегодно. В 1897 г.

в ведомстве жил 401 тунгус³⁸, а в 1902 г. — 418³⁹. За 72 года инородческое население ведомства сократилось на 34,3%, в среднем за год население уменьшалось на 0,5%. В малочисленном Тутурском тунгусском ведомстве в 1880 г. фиксировалось 78 чел., в 1897 г. — 167 чел., в 1908 г. — лишь 56 человек. Таким образом, население ведомства сократилось на 28,2%⁴⁰. В 1888 г. восемь тунгусов также проживали в Ольхонском ведомстве⁴¹. Всего в Верхоленском округе перепись 1897 г. зафиксировала 613 эвенков, что значительно меньше «против прежнего числа»⁴².

Подворная перепись 1887–1888 гг. зарегистрировала 104 эвенка в Кудинском бурятском ведомстве Иркутского округа (тунгусы Чинканова рода, голоустинские тунгусы) и 58 эвенков в Аларском бурятском ведомстве Балаганского округа (малобельские тунгусы). По сравнению с данными X ревизии 1857 г. численность кудинских эвенков снизилась на 20,6% (против 131), а численность малобельских эвенков увеличилась на 20,8% (против 48)⁴³. По данным переписи 1897 г. и другим источникам С.К. Патканов к концу XIX столетия насчитал в Иркутском округе 134 эвенка (главным образом — тунгусы Кочергатского и Зогинского стойбищ), а в Балаганском округе — 44 эвенка⁴⁴. Таким образом, за десять лет численность эвенкийского населения Иркутского и Балаганского округов увеличилась на 16 чел., а по сравнению с 1857 г. (т.е. за 40 лет) практически не изменилась (–1 чел.). Однако и здесь мы видим сокращение количества мужчин (1857 г. — 90, 1888 г. — 92, 1897 г. — 84), — явный признак сокращения населения в последующем. Так, в Кудинском ведомстве в 1901 г. зафиксировано уже лишь 83 эвенка⁴⁵.

В случае с эвенками нет нужды обращаться к детальному рассмотрению их половозрастного состава, — налицо значительное снижение численности населения. Каковы причины такого снижения на территории Иркутской губернии? Безусловно, какая-то часть эвенков могла откочевать в сопредельные регионы, но все исследователи говорят именно о *вымирании* эвенков. К причинам вымирания относятся два основных фактора:

1. Ассимиляция эвенков соседними народами: в Иркутском и Балаганском округах (районе Прибайкалья) и частично на Верхней Лене — бурятами; в Приилимье и на Верхней Лене — русскими; на севере губернии — якутами. Так, например, в Кудинском бурят-

ском ведомстве несколько семейств тунгусов во время подворной переписи 1887–1888 г. записались как буряты⁴⁶. Во время переписи 1897 г. все тунгусы Иркутского и Балаганского округов и часть верхоленских эвенков показали себя членами бурятским родов⁴⁷. Впоследствии, в 1920-х гг., малобельские и кудинские эвенки перестают фиксироваться исследователями, поскольку полностью перемешались с местными бурятами⁴⁸. Нижнеилимские тунгусы практически полностью были ассимилированы русскими. По данным С.К. Патканова в 1897 г. около 100 тунгусов Илима были причислены к русским волостям (и записаны, как русские)⁴⁹. Вот выдержка из дела Нижнеилимской инородческой управы (таких дел достаточно много): «Казенная палата оседлого инородца Нижнеилимской инородной управы Кочинского ясачного селения Михаила Филиппова Березовского с женою Евгенией Михайловой с начала сего 1883 г. из числа оседлых инородцев по Качинскому селению исключила со счета за перечислением в крестьяне Нижнеилимской волости»⁵⁰. В Киренском округе эвенков активно ассимилировали якуты. Так, С.К. Патканов фиксирует 32 эвенка среди якутов, проживающих на территории Иркутской губернии, но подчинявшихся Вилюйскому исправнику⁵¹. По переписи 1897 г. в Иркутской губернии жило уже 2734 якута, т.е. больше, чем тунгусов⁵².

2. Гибель эвенков вследствие болезней, занесенных пришельцами, и злоупотребления спиртными напитками, генетически передаваемыми сибирскими аборигенами. Эти проблемы ясно осознавались властями. «Инородцы более или менее привержены к спиртным напиткам, последствием чего являются драки, сутяжество, обманы и нерадение», — отмечается в одном из отчетов Нижнеилимской инородческой управы⁵³. В начале XX в. поднимались эти вопросы и на страницах периодической печати. О вымирании киренских тунгусов вследствие сифилиса и употребления спирта, который «ценится дороже всего» у инородцев писала газета «Сибирь»⁵⁴. Вот показательный пример: На Ербогаченскую ярмарку, где происходил обмен шкур и пушного зверя, добытых инородцами, в 1911 г. заблаговременно завезли спирт, но по приказу пристава он был изъят из продажи. В результате «торг прошел вяло», так как инородцы не желали обменивать добычу на что-то иное, кроме спирта⁵⁵.

Ассимиляция эвенков — процесс, характерный не только для Иркутской губернии, и не только для рассматриваемого периода.

По данным переписи 1897 г. в Забайкалье 31,8% эвенков считали родным языком русский, а еще 15,7% — бурятский⁵⁶. По мнению В.А. Туголукова, эвенки вообще склонны к ассимиляции, и этот процесс начался еще до прихода русских в Сибирь⁵⁷. Основной причиной такой «склонности» является структура социальных отношений в общностях эвенков, предполагающая легкую восприимчивость к внешнему влиянию. Эвенки разделялись не на роды (в прямом смысле этого слова), а на большие семьи. Непосредственно родовая организация эвенков разрушилась, по-видимому, во время расселения их по Сибири из районов Северного Китая (XV–XVII вв.). «Роды» эвенков (известные под названиями кондогиров, шилигиров, никогиров и т.д.) — это по сути *племена*, т.е. *эндогамные* группы, открытые для внешнего проникновения. Основная ячейка эвенкийского общества — патронимия⁵⁸. Охотничьи угодья делились между семьями (к этому эвенков принуждала природа, — для обеспечения продовольствием в достаточном количестве даже небольшой группе в тайге требовалась значительная площадь), а общины, таким образом, были территориальными. С другой стороны хозяйство эвенков имело комплексный характер (помимо охоты они занимались и собирательством, и рыболовством), что позволяло обеспечивать себя одной семье. Но в условиях очень рассеянного проживания и эндогамии эвенки быстро перемешивались с этническими общностями, более консолидированными, многочисленными и имеющими хозяйственные системы, в меньшей степени зависимые от природной среды (земледелие, скотоводство). Так уже до прихода русских эвенки частично были ассимилированы бурятами в Забайкалье и Прибайкалье, даурами на Амуре, якутами на средней Лене.

С приходом русских в Восточную Сибирь хозяйство коренного населения получило дополнительный стимул к интенсификации. Эвенки официально делились на «кочующих» и «бродячих». «Бродячие» эвенки — оленеводы, однако олень у них использовался, главным образом, как транспортное средство, необходимое для основного занятия — охоты на копытных. Оленей в эвенкийских хозяйствах было немного. Еще меньше их было или не было вовсе в хозяйствах полуоседлых эвенков «кочующих». В конце XIX–начале XX вв. начинается переориентация хозяйства эвенков в направлении интенсификации скотоводства. Трансформация

традиционного эвенкийского хозяйства проявилась в изменении состава эвенкийского скота и повышении удельной доли продуктов животноводства в структуре потребления эвенков, а также в изменении функции оленеводства в системе традиционной хозяйственной деятельности. Изменения в составе скота выразились в распространении среди эвенков практики содержания лошадей и крупного рогатого скота, изменения в быте — в отказе части эвенков от потребительского промысла в пользу животноводства. С середины XIX в. фиксируются факты разведения лошадей тунгусами Киренско-Хандинского ведомства, жители которого были типичными оленеводами⁵⁹. В 1880-х гг. источники фиксируют факты разведения лошадей и крупного рогатого скота катангскими эвенками⁶⁰. В Нижнеилимском ведомстве четко выделяется две группы эвенков: «бродячие» тунгусы имели исключительно одних оленей, «кочевые» не разводили оленей вовсе, зато у них приходилось по 2,6 головы различного другого скота на душу мужского пола⁶¹. Тунгусы Кудинского бурятского ведомства к началу XX в. по количеству скота вплотную приблизились к соседним оседлым бурятам⁶². Распространение практики содержания нетрадиционных видов домашних животных прослеживается и у эвенков Верхоленского округа⁶³. Перепись 1897 г. констатирует, что 8,1% самостоятельных хозяев-тунгусов (6,7% населения с членами семей) считали себя скотоводами⁶⁴. В хозяйствах тунгусов, практически перешедших к оседлости, количество скота в начале XX в. уже сопоставимо с поголовьем скота у русских крестьян. Отмечается не только распространение у эвенков нетрадиционных для них видов скота, но и изменения способов их содержания⁶⁵.

Большое значение для эвенков имело и земледелие, для «кочующих» тунгусов оно было обычным занятием. По набору сельскохозяйственных культур инородцы практически ничем не отличались от русских крестьян⁶⁶. Географически занятие земледелием было распространено у тунгусов не так широко, как скотоводство, и все же согласно переписи 1897 г. 10,4% тунгусских хозяйств Иркутской губернии (12,4% населения с членами семей) жили за счет земледелия⁶⁷. Это почти вдвое больше, чем скотоводческих эвенкийских хозяйств. Как и скотоводство, земледелие стало элементом эвенкийского хозяйства в результате заимствований хозяйственных традиций русских и бурят. К ско-

товодству и земледелию обращались, как правило, безоленные и малооленные семьи. Факт существования таких семей свидетельствует об уже высокой степени имущественного расслоения в эвенкийских группах, что лишний раз говорит о слабости родовой организации тунгусов. Разведение крупного рогатого скота и земледелие стали причинами перехода части эвенков к оседлому образу жизни. Почти половина нижеилимских и очеульских тунгусов в конце XIX в. имела деревянные избы или юрты, а прибайкальские эвенки Иркутского округа — даже усадебную землю⁶⁸. А.А. Сирина утверждает, что к концу XIX в. и курейцы с кондогирцами также перешли к оседлому и полuosедлому образу жизни, продолжая при этом заниматься охотой⁶⁹.

Заимствуя у соседей хозяйственные навыки, эвенки перенимали и их язык, вступали в смешанные браки и постепенно растворялись среди более многочисленных этносов, соотнося себя с ними. Таким образом, ассимиляции эвенков предшествовал отказ от традиционного хозяйства, переход к другой системе природопользования.

Не меньшее, а быть может, и большее значение в процессе сокращения эвенкийского населения имело его физическое вымирание вследствие болезней и алкоголизма. И этому также способствовала трансформация традиционного хозяйства, а именно не интенсификация основного способа природопользования — охоты, а его рационализация — специализация на пушном промысле. К концу XIX в. у эвенков значение пушного промысла в процессе жизнеобеспечения выросло настолько, что можно говорить о приобретении их хозяйством товарного характера. По данным переписи 1897 г. 1481 иркутский тунгус (73,4%) главными своими занятиями имел рыболовство и охоту⁷⁰. Большая часть тунгусов, несмотря на явные изменения хозяйственного быта жила за счет охотничьего и рыболовного промыслов. Но изменился характер охоты. Ранее охота осуществлялась в основном на лося и дикого оленя, сейчас — на пушного зверя, ранее животные добывались для употребления их мяса в пищу, теперь — для обмена шкур животных на продовольствие, а также свинец и порох для той же охоты. В начале XX в. во всех региональных группах эвенков Иркутской губернии в структуре балансов жизнеобеспечения мясо диких животных уже значительно уступало покупному продовольствию; при сопоставлении показателей по отдельным группам выясняется, что лучше

были обеспечены продовольствием те группы, в которых покупные продукты питания составляют большую часть всего продовольствия, а охота на пушного зверя более масштабна⁷¹.

Такая специализация хозяйства ставила эвенков в полную зависимость от купцов-посредников (т.н. «тунгусников»), от соседей — русских и бурятских крестьян, которые, пользуясь неграмотностью таежных аборигенов, обманывали, спаивали, исподволь способствуя формированию у эвенков хищнической психологии и их физическому вымиранию. Показателен один случай (относящийся, правда, к 1920-м гг., но символический): однажды где-то в Приангарье к члену Красноярского Комитета содействия малым народностям И.М. Суслову обратился столетний эвенк со слезной просьбой «передать “самому большому большевику”, что дети его (60-летние ребята), живущие давно уже отдельно, бьют его за то, что он не позволяет им охотиться в его семейных охотугодьях в целях добычи зверя для продажи»⁷². А ведь эти «ребята» начинали свою «трудовую деятельность» как раз где-то в 1880-х. Итак, полная зависимость эвенков от торгового капитала, заинтересованного только в наживе, стала одной из важнейших причин сокращения численности эвенкийского населения.

Почему же эвенки, которых в Прибайкалье в XVIII в. насчитывались тысячи, почти исчезли за сто лет, а тофы демонстрируют демографическую стабильность? Хозяйство тофов также подверглось изменениям на рубеже XIX–XX столетий, но это были несколько иные изменения, и происходили они в других условиях.

Тофы, как и эвенки, были охотниками и оленеводами (олень также использовался в качестве транспортного средства). Однако у тофов оленей было гораздо больше (в расчете на душу населения). Интенсификация скотоводства у тофов в рассматриваемый период выражается в появлении лошадей (влияние окинских бурят) и увеличении поголовья оленей. Лошади использовались как транспортные животные при перекочевках и на охоте. Вместе с тем изменяется характер оленеводства. К 1912 г. у тофов насчитывалось 2579 оленей⁷³ (рост по сравнению с 1888 г. — 56,5%). Количество оленей увеличивается, но не за счет их прибавления в зажиточных хозяйствах, — вспомним, вместе с поголовьем оленей растет и число хозяйств. Хозяйств с крупным поголовьем немного, но и безоленных теперь почти нет. Учитывая, что по-

рядок и территория перекочевок тофов оставались неизменными, остается предположить, что олень стал широко использоваться в пищу. Лошадь заменила оленя в качестве транспортного средства, а олень стал разводиться на убой в условиях сокращения промыслового зверя⁷⁴. В 1914 г. на мясо тофами было забито 17,6% всего оленьего стада, что сопоставимо со средними данными по Сибири по забою крупного рогатого скота (в 1913 году — 17,3%)⁷⁵.

Наряду с интенсификацией оленеводства у тофов наблюдается, так же, как и у эвенков, рост добычи пушнины. И здесь мы видим обман тофов со стороны скупщиков (на этот раз — «карагасников»), и зависимость аборигенов от поставок оружия, боеприпасов, продовольствия. Но, по всей вероятности, до начала XX в. ситуация здесь не была столь острой, как в случае с эвенками. И дело здесь не в кабале, в которой оказались аборигены (каждый из них был должен «карагасникам» от 90 до 300 р.⁷⁶). Во-первых, пушной промысел был не единственным проявлением товарности нового тофаларского хозяйства. Кроме охоты на пушного зверя, в 1888 г. 25,6% тофаларских хозяйств занимались золотодобычей, 29,3% — сенокошением, 9,8% — извозом и доставкой леса. Одно хозяйство было земледельческим⁷⁷. Таким образом, хозяйство тофов стало комплексным, оно *интенсифицируется*, но не *рационализируется*, не становится узконаправленным.

Это, наряду с географической изоляцией (что осложняло контакты с представителями других национальностей) и наличием *экзогамного* рода позволило временно сдерживать ассимиляционные процессы и проникновение в среду тофов пороков большого мира, а следовательно — стабилизировать численность населения в условиях трансформации традиционного хозяйства.

О тофаларском роде следует сказать отдельно несколько слов. Как и у эвенков, тофаларский род теряет контроль над экономической активностью своих членов. Однако в силу большей степени консолидированности, в силу своей экзогамности он сдает позиции намного медленнее. И мы не видим (по крайней мере до начала 1920-х гг.) в среде тофов массового пьянства, пренебрежения к экологическим традициям; тофы еще ежегодно на общем суглане производят передел охотничьих угодий, семьи рода еще объединяются для осуществления хозяйственной деятельности (при выпасе оленей весной и летом)⁷⁸.

Таким образом, трансформация традиционного хозяйства эвенков и тофов Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв. существенно влияла на демографические процессы у этих народов. Распад прежней системы традиционного хозяйства в случае с эвенками Иркутской губернии привел к их фактическому вымиранию. Временное приспособление системы традиционного хозяйства тофов к новым экономическим условиям (приспособление, ставшее возможным во многом благодаря действию географического фактора) способствовало временной же стабилизации численности этого небольшого народа. И в том, и в другом случае мы наблюдаем прямую зависимость сохранения этноса от стабильности системы традиционного хозяйства. А значит, «то, что в этнографической науке понимается под этнической спецификой традиционно-бытовой культуры народов доиндустриальной стадии развития, является продуктом связи и общения внутри этнического сообщества (или этнической связи) в процессе взаимодействия членов данного отдельного сообщества между собой в освоении природно-экологической среды тем или иным конкретным выработанным ими способом, а также сложившегося у них в процессе этого освоения соответствующего миропонимания, в системе которого обычно находит то или иное идейное, мысленное оформление также и осознание своего отличия от других сообществ людей, своей общности»⁷⁹. Иными словами, «свой» — это не тот, кто говорит на одном с тобой языке или выглядит похожим на тебя, а тот, кто живет с тобой на одной земле, кто рядом с тобой пашет (охотится, пасет скот, ловит рыбу), кто знает и умеет то, что знаешь и умеешь ты.

Примечания

¹ Имеются в виду народы, находящиеся на ранних стадиях развития. «На ранней стадии родового общества этнические единицы совпадают в основном с родовыми (производственными) коллективами» (Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности: опыт исследования закономерности зарождения и раннего развития этноса. Свердловск, 1970. С. 77).

² Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С. 6.

³ Белков П.Л. О методе построения теории этноса // Этнос и этнические процессы. М., 1993. С. 50.

⁴ Теория ХКТ (хозяйственно-культурных типов) М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова.

⁵ Хрестоматийный пример: Тацит в своем известном сочинении «О происхождении германцев и местоположении Германии» пишет о пред-

ках славян (как считает множество историков) — венедах: «Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю... Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне». Интересно, что Тацит, вероятно, был знаком с наречиями германцев, но это не помешало ему отнести к ним же венедов, языка которых он не знал.

⁶ См.: Козьмин Н.Н. Хозяйство и народность (Производственный фактор в этнических процессах) // Сибирская живая старина. Вып. VII. Иркутск, 1928. С. 1–22.

⁷ Подробнее см.: Курышов А.М. Трансформация традиционного хозяйства эвенков и тофов Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7. № 2. С. 91–109; Он же. Суть и значение перехода эвенков и тофов Иркутской губернии к товарному промыслу в конце XIX–начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 2. С. 5–19.

⁸ Петри Б.Э. Охотничьи угодья и расселение карагас. Иркутск, 1927. С. 20.

⁹ Миротворцев К.Н. Карагасы: Статистико-экономический очерк. Иркутск, 1921. С. 2.

¹⁰ Очерк быта племени карагазов Нижнеудинского округа // Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. 2. Приложение I. М., 1890. С. 180.

¹¹ Там же.

¹² Астырев Н. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. С. 310.

¹³ Асалханов И.А. Народонаселение Бурятии в XIX в. // Социально-экономическое развитие Бурятии. XVII–начало XX вв. Новосибирск, 1987. С. 97.

¹⁴ Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск, 2000. С. 75.

¹⁵ Предварительные итоги переписи населения 1920 г. по городам, поселениям городского типа, уездам и волостям Иркутской губернии: Материалы Иркутского Губернского Статистического Бюро по Демографической секции. Вып. I. Иркутск, 1920. С. 22.

¹⁶ Петри Б.Э. Указ. соч. С. 20.

¹⁷ Рагулина М.В. Указ. соч. С. 75.

¹⁸ Языки народов СССР: в пяти томах. Т. II: Тюркские языки / отв. ред. Н.А. Баскаков. М., 1966. С. 12.

¹⁹ Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1985. С. 1338.

- ²⁰ Качанов В.Н. Социально-экономическое развитие территории автохтонного этноса (Тофалария) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2003. Иркутск, 2003. С. 31.
- ²¹ Очерк быта племени карагазов Нижнеудинского округа... С. 180.
- ²² Там же.
- ²³ Предварительные итоги переписи населения 1920 г. ... С. 22.
- ²⁴ Рагулина М.В. Указ. соч. С. 75.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Очерк быта племени карагазов Нижнеудинского округа... С. 181; Предварительные итоги переписи населения 1920 г. ... С. 22.
- ²⁷ Очерк быта племени карагазов Нижнеудинского округа... С. 181.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Рагулина М.В. Указ. соч. С. 37; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXV. Иркутская губерния. СПб., 1904. С. XIII.
- ³⁰ Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. I: Тунгусы собственно. Вып. I // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XXXI. СПб., 1906. С. 114.
- ³¹ Рассчитано по: Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 461, оп. 1, д. 1. л. 65; оп. 2, д. 13, л. 8.
- ³² Патканов С.К. Указ. соч. С. 110.
- ³³ Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985. С. 19.
- ³⁴ Рагулина М.В. Указ. соч. С. 37; Патканов С.К. Указ. соч. С. 106–107.
- ³⁵ Рагулина М.В. Указ. соч. С. 37; Патканов С.К. Указ. соч. С. 107–109.
- ³⁶ Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. Иркутск, 2002. С. 47–49, 51–52.
- ³⁷ Рассчитано по: ГАИО. Ф. 148, оп. 1, д. 5, л. 161; д. 20, л. 3об.; д. 17, л. 282.
- ³⁸ Патканов С.К. Указ. соч. С. 101.
- ³⁹ ГАИО. Ф. 171, оп. 1, д. 7, л. 218.
- ⁴⁰ Рассчитано по: ГАИО. Ф. 171, оп. 1, д. 7, л. 218.
- ⁴¹ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 4, оп. 1, д. 1908, л. 29.
- ⁴² Патканов С.К. Указ. соч. С. 105.
- ⁴³ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. 2. М., 1890. С. 96–97.
- ⁴⁴ Патканов С.К. Указ. соч. С. 113.
- ⁴⁵ НАРБ. Ф. 13, оп. 1, д. 275, л. 79об, 80, 82об.
- ⁴⁶ Материалы по исследованию землепользования... С. 57.
- ⁴⁷ Патканов С.К. Указ. соч. С. 131.
- ⁴⁸ Туголуков В.А. Указ. соч. С. 17–18.
- ⁴⁹ Патканов С.К. Указ. соч. С. 110.
- ⁵⁰ ГАИО. Ф. 461, оп. 2, д. 14, л. 7.

- ⁵¹ Патканов С.К. Указ. соч. С. 105, 110.
- ⁵² Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. XII.
- ⁵³ ГАИО. Ф. 461, оп. 2, д. 13, л. 12.
- ⁵⁴ Сибирь. 1911. 23 окт. (№ 237). С. 3.
- ⁵⁵ Сибирь. 1911. 30 дек. (№ 294). С. 2.
- ⁵⁶ Будаева Ц.Б. Экологические традиции коренного населения Байкальского региона (на примере Республики Бурятия). Улан-Удэ, 1999. С.3 6.
- ⁵⁷ Туголуков В.А. Указ. соч. С. 45.
- ⁵⁸ Там же. С. 275.
- ⁵⁹ ГАИО. Ф. 24, оп. 9, д. 187, л. 410–411.
- ⁶⁰ Сирина А.А. Указ. соч. С. 47.
- ⁶¹ Рассчитано по: ГАИО. Ф. 461, оп. 2, д. 13, л. 16–19.
- ⁶² НАРБ. Ф. 13, оп. 1, д. 275, л. 37, 79 об., 80, 82 об.
- ⁶³ Туголуков В.А. Указ. соч. С. 16, 21–22.
- ⁶⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 115.
- ⁶⁵ Например, распространение утугов — уваживаемых и орошаемых покосов (практика, обычная для иркутских бурят).
- ⁶⁶ ГАИО. Ф. 461, оп. 2, д. 13, л. 4–5, 14.
- ⁶⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 115.
- ⁶⁸ ГАИО. Ф. 461, оп. 2, д. 13, л. 8; Ф. 148, оп. 1. д. 5, л. 162а; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. III. М., 1890. С. 21.
- ⁶⁹ Сирина А.А. Указ. соч. С. 77.
- ⁷⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 115.
- ⁷¹ Рагулина М.В. Указ. соч. С. 106.
- ⁷² Кудрявцев Ю.А. Хозяйство туземцев Сибиря и пути его рационализации в связи с колонизацией и индустриализацией // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Т. V. Новосибирск, 1928. С. 99.
- ⁷³ Мельникова Л.В. Тофы: Историко-этнографический очерк. Иркутск, 1994. С. 52.
- ⁷⁴ Если в 1887 г. тофами было добыто 249 диких оленей и 134 изюбря, то в 1888 г. — только 156 и 126 соответственно. На уменьшение количества зверя, которое заставляет их переходить к другим промыслам, указывали сами тофы (Очерк быта племени карагазов Нижнеудинского округа... С. 183).
- ⁷⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 433, оп. 1, д. 17, л. 17 об.
- ⁷⁶ Очерк быта племени карагазов Нижнеудинского округа... С. 185.
- ⁷⁷ Там же. С. 181, 183–184.
- ⁷⁸ Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 37.
- ⁷⁹ Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР (стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов в XIX–XX вв.): учеб. пособие. М., 1990. С. 14.